

**Андрей Бесков. Язычество восточных славян перед лицом современности.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. — 192 с.**

Тема славянских древностей и язычества активно эксплуатируется в литературе, в кинематографии, на телевидении. Языческие талисманы продаются в сувенирных магазинах, именами славянских богов называются фирмы, товары. Свои позиции в современном мире отстаивают «неоязычники». Причину такой активизации религиовед Андрей Бесков видит в исчезновении контроля со стороны государства за СМИ, книгоиздательством, кинематографом и в коммерциализации литературы и СМИ. Наше историческое сознание формируется не специалистами-историками, а публицистами, журналистами, политиками, извлекающими из интереса людей к своей истории политическую и коммерческую выгоду. На конкретном материале автор рассматривает, какой посыл закладывают в свои произведения эти деятели. Дает оценку книгам, кинофильмам (от первого, снятого в 1929 году, до современных), анализирует, как и почему изображалось язычество в советском кинематографе и как сегодня. Досталось фильму «Викинг». Критично относится автор к телевидению, где в отличие от кинематографии возвеличивают и романтизируют славянское язычество и его богов. Оплотом славянского язычества он называет передачи на «РЕН ТВ», где падки на околонуточные сенсации и антинаучный вздор. Шарлатанством — разрекламированные боевые искусства и оздоровительные практики восточных славян. Все конкретно: названия, имена, суть. А. Бесков рушит мистическую систему, воздвигнутую вокруг свастики как символа, и отрицает магический характер рун, опровергая и само существование славянских рун. Роль массовой культуры в наших представлениях о далеком прошлом велика. Так, «дизайн» викингов (рогатые шлемы) придуман художниками в XIX веке и широко растиражирован в театральных постановках, кино, комиксах, видеоиграх. Волхвов мы представляем по картине В. Васнецова «Встреча Олега с кудесником» (иллюстрация к «Песне о вещем Олеге» Пушкина). Возможно ли установить, что подлинно, а что фальшивка? А. Бесков считает, что реконструировать славянское язычество невозможно. То, что мы знаем о нем, может уместиться в несколько строк. Слишком мало материала: летописи, где кое-что упоминается о славянских богах, древнерусские поучения против язычества. Известны имена славянских божеств: Перун, Хорс, Дажьбог, Велес, Сварог, Макошь, но в отношении каждого из них существуют противоречивые версии. «Велесова книга» — откровенная подделка. Автор не ставит задачу реконструировать прошлое, но подробно рассказывает, как добываются знания о прошлом вообще и о славянском язычестве в частности, сравнивает научный путь изучения этой темы и псевдонаучные домыслы, освещает позиции ученых и дилетантов, выявляет отличия научной литературы от популярной. Знакомит с наиболее значительными трудами на тему восточнославянского язычества за последние полтора столетия. В зоне его внимания генетика, антропология, археология, лингвистика, мифология. Подробно рассмотрен вопрос о том, кто такие восточные славяне (русские, украин-

цы, белорусы), их этногенез со времен неандертальцев и кроманьонцев. Весьма актуально, ведь ныне в Интернете идут яростные споры: являются ли русские славянами, или они потомки татаро-монгол или финно-угров, потомки ли неких «укров» украинцы, а белорусы — славяне или балты? Много интересных исторических фактов в вопросах крещения Руси. Автор поддерживает точку зрения М. Васильева, что к крещению Руси привело случайное стечение обстоятельств в Византии и на Руси. Но вывод один: пусть не при Владимире, но решать вопрос о переходе в новую веру русским правителям все равно пришлось бы. Названы и причины, по которым Русь не вздыбилась, не защитила своих исконных богов. Сами себя наши предки язычниками не называли, термин введен в обиход христианами для обозначения верований, бытовавших у различных народов до возникновения иудаизма и христианства, авраамических религий, к которым позже присоединился и ислам. Если язычеством считать поклонение различным богам, то с ним было покончено достаточно быстро, если же разного рода суеверия (гадания, колдовство, веру в духов), то все это дожило до наших дней, и не только у славян, но и повсеместно. Смешение христианства и восточнославянского язычества в отечественной научной литературе обозначают термином «двоеверие». Подробно рассказано и о неоязыческом движении. Еще один честный способ отъема денег у населения или прикрытие набирающего силу неонацизма? Названы имена идеологов, рассмотрены идеи, популярные в русской неоязыческой среде. Современные язычники славянских стран позиционируют себя как «родноверы», термин же «родноверие» появился лишь в конце XX века. В России развитие неонацизма и неоязычества шло одновременно, у них разные корни, но они переплелись между собой. Автор не ставит знак равенства между ними. Если неонацисты хотят иного политического устройства, смены государственной идеологии, то неоязычникам не нравится поддержка государством так называемых традиционных религий, и прежде всего православия. Возможно, родноверы избавятся от националистических фантазий, хотя выбор ими в качестве эмблемы свастики ставит крест на возможности занять заметное место в ряду представленных в России религий. Стыдиться или гордиться нашими языческими предками? Негативное отношение к язычеству формировалось древнерусскими книжниками на протяжении столетий. Из «Повести временных лет»: «жили звериным обычаем, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое». На примерах истории христианского человечества и дня сегодняшнего автор показывает, что приписывать язычникам все пороки нельзя. Так, многие формы сексуального поведения, принятые западным обществом сегодня, и в древности, и в средние века, и в Новейшее время, и в России, и в той же Европе понимались как явные половые извращения. И очень красиво А. Бесков сравнивает языческий этап нашего развития с детством. Ведь «детские годы мы обычно вспоминаем с особо теплотой, даже если некоторыми из этих воспоминаний не готовы делиться с другими людьми». Современным ревнителям православной веры А. Бесков предлагает с уважением относиться к своим языческим предкам, как это делал митрополит Илларион в XI веке, а тем, кто видит в христианизации Руси великую трагедию, умерить свой пыл. Взвешенная, написанная доступным языком книга.

Элизабет Килби. Гаджетомания: как не потерять ребенка в виртуальном мире. СПб.: Питер, 2019. — 256 с. — (Серия: «Родителям о детях»).

Британский детский психолог Элизабет Килби уже двадцать лет наблюдает детей первого «цифрового» поколения, окруженных с самого рождения девайсами. Вместо развивающих воображение, активных игр — одинокое многочасовое сидение перед

светящимся экраном. Дети перестают слушаться родителей, отказываются делать домашнюю работу, оторвать их от любимого гаджета практически невозможно. «Мама, можно я возьму планшет?» — первое, что говорят они по утрам. Залипнув в любимом гаджете, дети словно впадают в транс, не реагируют на вопросы. Такая поглощающая концентрация называется гиперфокусом. Это состояние может быть полезным, но если долго не получается «пробудить ребенка», это плохо. Пещерного человека такой гиперфокус мог привести прямиком в лапы саблезубого тигра. Смартфоны, планшеты и приставки мешают ребенку гулять, играть, учиться и общаться. Бесконечное зависание в Интернете ведет к серьезным психическим расстройствам, создает проблемы в более взрослом возрасте. Э. Килби считает, что в жизни наших детей появилась бомба замедленного действия — интернет-зависимость. Круглые сутки ее часовой механизм тикает в домах и школах, становясь причиной истерик, стрессов и семейных ссор. Треть современных детей мастерски пользуется планшетом, еще не научившись ходить или говорить. Они познают мир, находясь под сильнейшим воздействием сетевых технологий. Впервые перед нами стоит задача, с которой не поможет справиться опыт прошлых поколений, констатирует Э. Килби. Мы не знаем, что делать в подобной ситуации. Факты не утешительны: очевидна связь гаджетов и ожирения — дети забыли подвижные игры, падает зрение, сложные химические процессы в организме отрицательно влияют на развитие мозга, на мышцы или кости, могут нарушить пищеварение и остановить выработку жизненно важных гормонов. Э. Килби — реалистка, она понимает, что запрещать детям гаджеты в современном мире, живущем онлайн, невозможно, да и в цифровых технологиях множество достоинств. На примере реальных историй из своей клинической практики она показывает, как сделать виртуальный мир верным помощником в воспитании, выработать у ребенка здоровые привычки пользования цифровыми устройствами и вернуть его интерес к активной жизни. Автор дает практические советы по многим актуальным темам: когда давать ребенку первый гаджет, как научить ребенка правилам безопасности в Сети, стоит ли запрещать девайсы, как установить ограничения на пользования компьютером. Привить ребенку хорошие привычки общения в Сети нужно до того, как начнутся проблемы, объяснить правила «входа в свет», в Интернет: что выкладывать на свою страницу, как относиться к рекламе, какие опасности поджидают. Надо разъяснить, что человек в Интернете, с которым ты вступил в контакт в социальных сетях, совсем необязательно — друг, может быть и наоборот, приучить сразу сообщать, если ребенка что-то смущает, научить блокировать каких-то пользователей и жаловаться на них. И приводит еще множество «правил безопасности». Она предупреждает, что ограничивать онлайн-активность подростка, у которого вовсю бушуют гормоны, уже слишком поздно. Прививать правила пользования девайсами, предотвращая развитие зависимости, лучше всего в так называемый латентный период (возраст от четырех до одиннадцати лет). Это книга практических советов, среди них и «инструкция», как преодолеть зависимость детей от гаджетов. Если одержимость велика, лучше всего убрать все цифровые устройства минимум на две-три недели, чтобы дети привыкли к нормальной жизни, после чего можно снова постепенно давать им девайс, установив правила пользования и строго следуя им, эти правила она подробно расписывает. Очень важен личный пример, а ведь большинство родителей сами спят в обнимку со своим смартфоном. Родителей, как правило, пугают буйные истерики детей при попытках отнять девайс. Что делать? Уходить, не пытаться общаться или что-то обсуждать — это только ухудшит ситуацию. Если вы уже объяснили, почему забрали девайс или сокращаете время игры, нет причины повторять это снова и снова. Ребенок почти наверняка понял, почему вы так поступили, и протестует потому, что ему это не нравится. Никакие объяснения не помогут. Он злится. Игнорировать истерики можно до тех пор, пока это не станет

реальной опасностью. «Отвлеките ребенка, займите его чем-нибудь другим, направьте внимание в другое русло. Станет поведение лучше, похвалите его». Э. Килби говорит и о том, что делать, если запрет не решает проблему. А вообще люди, чья жизнь насыщена, богата на события, на признание, встречи, реже страдают зависимостью. И чем меньше связи ребенок чувствует с семьей и обществом, тем глубже он погружается в виртуальный мир, а это прямая дорога к одержимости.. Эта книга на самую обсуждаемую тему в области современного воспитания подойдет и тем родителям, которые уже столкнулись «вживую» с какими-то проблемами из-за чрезмерной привязанности ребенка к виртуальному миру, и тем, чьи детки только готовятся к знакомству с Сетью.

Екатерина Алтайская, Анна Булатникова, Анна Малоземова.
История Странноприимного дома. М.: РГ-Пресс, 2019. — 184 с.

Здание с полукруглой ротондой из колонн в центральной части известно (в не последнюю очередь благодаря телесериалам и новостям) по всей России — НИИ Склифосовского. Когда-то это учреждение именовалось по-другому: Странноприимный дом или Шереметевская больница, названная так в честь своего основателя — графа Н. Шереметева, построившего ее в память о горячо любимой жене (в прошлом крепостной актрисе) Прасковье Ивановне, умершей в 1803 году, спустя три недели после рождения сына Дмитрия. Граф желал, чтобы дом призрения стал памятником той, кто и сама принимала участие в его создании. Первый проект богадельни на сто «призреваемых» человек обоего пола и бесплатной больницы на пятьдесят коек для «страждущих от недугов» разработал крепостной архитектор Е. Назаров. После смерти жены граф призвал своего друга архитектора Кваренги перестроить здание Странноприимного дома. Достойное, но простое здание Назарова следовало превратить в великолепный дворец. В помощь Кваренги Шереметев пригласил других знаменитых мастеров: живописца Д. Скотти, скульпторов Г. Замараева, Фортини и Кампиони, резчика по дереву Эрке. Н. Шереметев не дождался открытия Странноприимного дома несколько месяцев, оно состоялось в день его рождения — 28 июня 1810 года. Но успел сделать многое: вместе с главным смотрителем Малиновским точно просчитал все необходимые расходы на содержание дома, каждого его работника и жителя, определил обязанности всех обитателей, оставил огромное состояние на содержание дома и добился его освобождения от налогов. Своим потомкам завещал «неусыпное попечение» о Странноприимном доме, «дабы онный навсегда существовал на твердом основании». Семья Шереметевых неукоснительно исполняла его волю. Странноприимный дом стал одним из первых благотворительных учреждений в России для беднейших слоев населения: здесь лечили, давали еду и кров, помогали сиротам. О строительстве, организации, деятельности Странноприимного дома подробно рассказано в книге. Ни одно из значимых событий русской истории не обойдет стороной этот дом. Знаменательно даже место, где он построен: Кучково поле, где, по преданию, и заложил новый город князь Юрий Долгорукий. В XIV веке именно здесь состоялось Сретение (встреча) привезенной из Владимира иконы Владимирской Божьей Матери, после чего от стен Москвы отступило многотысячное войско Тимура-Тамерлана. В честь этого события были воздвигнуты стены Сретенского монастыря. Все происходящее в доме и с ним рассматривается на широчайшем историческом и политическом фоне. Шереметевская больница не раз превращалась в госпиталь. Во время Отечественной войны 1812 года дом принял раненых под Бородином русских и французских солдат, здесь размещался госпи-

таль сначала русской, а потом французской армии. До вступления французов успели вывезти во Владимирскую губернию часть денег, архивы, церковное убранство. Исполнили решение совета Странноприимного дома: «имеющиеся под бельэтажем темные подвалы закласть кирпичом, положив там железный сундук с деньгами и что есть лучшего». Средства пригодились потом на восстановление дома, которому пришлось испытать «все неистовства, какие токмо изобрести могут одни просвещенные французы». А ведь главный хирург «Великой армии» Ж.-Д. Ларей позднее вспоминал: «Шереметевская больница выделялась своей архитектурой и внутренним расположением помещений, ее аптека была одной из самых красивых и богатых, которую я когда-либо знал. Коридоры, палаты, кровати и другие предметы содержались в большой чистоте». За короткий период было фактически уничтожено богатое убранство, не так давно привезенное из шереметевских дворцов. На воссоздание дома ушло несколько лет. И Странноприимный дом справился со страшной эпидемией холеры 1830 года. Хлеб и кров дали воинам, искалеченным в Крымской войне. Во время Русско-турецкой войны к театру военных действий был направлен сформированный в доме санитарный отряд, раненых солдат эвакуировали непосредственно в Шереметевскую больницу. Сюда же поступали раненые с фронтов Русско-японской и Первой мировой войн. Здесь лечили участников революций 1905 и 1917 годов. В июне 1917 года представители нового строя разграбили Странноприимный дом Шереметева. Богоугодное заведение стало обычной больницей, хотя ее по-прежнему звали Шереметевская. В 1919 году в Странноприимном доме была организована Московская городская станция скорой медицинской помощи, а с 1923-го здесь разместился один из корпусов НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского, хотя, возможно, сам Склифосовский Шереметевскую больницу даже никогда и не посещал. История Странноприимного дома в новой ипостаси — это и всевозможные реорганизации, и внедрение новых методов лечения, и огромная работа в годы Великой Отечественной войны, когда не только лечили раненых в самой больнице, но и выезжали на фронт, высылали методички по новым методам лечения ранений. Современный облик больница примет в конце 1971 года: был построен многоэтажный клинично-хирургический корпус. В советское время больница знала взлеты и падения. В настоящее время величественное здание, построенное в начале XIX века, отреставрировано, заблестело золотом его исконное название — Странноприимный дом. История — это и люди: главные смотрители, попечители, руководители советского времени и всегда — врачи. Их биографии, характеры, заслуги. Среди них и сами Шереметевы, и первый главный смотритель А. Малиновский, и главный доктор дома в 1858—1873 годах А. Тарасенков. И, конечно, С. Юдин (1891—1954) — крупный советский ученый, главный хирург НИИСП имени Н. Склифосовского, которому принадлежит инициатива восстановить Странноприимный дом и вернуть ему былый блеск. В заключительной части рассказано о современном состоянии института, об отделениях, которые в нем действуют. Книга содержит редкие фотографии и богатый фактографический материал.

Сергей Доморощенин. Великий счастливцев: биография Федора Абрамова: к столетию со дня рождения писателя. Архангельск: КИРА, 2019. — 478 с.

При обилии изданий, посвященных Федору Абрамову (1920—1983), по словам автора, столь полная биография одного из наиболее известных представителей «деревенской прозы», — «первая в своем роде». Архангельский журналист Сергей Доморощенин собирал материалы о жизни и творчестве Абрамова 35 лет, беседовал с людьми,

близко знавшими писателя. В работе над книгой принимала участие Л. Крутикова-Абрамова, соратник писателя на протяжении 34 лет. В книге использованы редкие архивные документы, воспоминания, цитаты из состоявшихся и несостоявшихся выступлений писателя, фрагменты прижизненной критики. Рассмотрены все этапы жизненного пути писателя. Автор стирает «белые пятна» биографии, полемизирует с известными авторами, развенчивает необоснованные суждения. Так, он опровергает, что детство Абрамова прошло в страшной нужде: рано овдовевшая мать, староверка, сумела создать крепкое хозяйство, дать детям образование. Автор восстанавливает обстоятельства тяжелого ранения, полученного Абрамовым в боях под Ленинградом. Студент третьего курса филфака ЛГУ Абрамов ушел сначала на оборонные работы, потом — в ополченцы и солдаты. «Неловкой» страницей в его жизни писателя считается его служба в особом отделе НКВД по Архангельской области, преобразованном со временем в Смерш. В апреле 1942 года будущий писатель, проведший блокадную зиму 1941–1942 годов в ленинградском госпитале, был эвакуирован по льду Ладожского озера, получил по ранению отпуск, с июля 1942 года продолжил службу в Архангельском военном округе. Автор считает, что вокруг Смерша существует слишком много нелепиц, правдивой и неправдивой информации. В регионе, через который шли северные конвои и помощь союзникам, куда проникали сотни немецких агентов-парашютистов, охрана была необходима. Абрамов успешно вел радиоигры с разведывательно-диверсионными группами противника, боролся с антисоветской пропагандой. Сам он считал: «...мне стыдиться нечего, хотя в то время было другое восприятие происходящего». Еще одной «неловкой» страницей является участие Абрамова в 1949 году, в бытность аспирантом ЛГУ, в кампании против профессоров-«космополитов», в которой писатель, однако, не переусердствовал. Автор дает подробный анализ поступков Ф. Абрамова, выбора им решения, которого требовала ситуация. Так, в послевоенные годы Абрамов считался неблагоденственным: его жена Крутикова была на оккупированной территории в Белоруссии, что не позволило ему поступить на работу в обком КПСС (чему он был и рад). А в 1969 году, не любя Солженицына, он написал письмо в его защиту, решив, «что никакими соображениями и доводами нельзя оправдать рабское молчание. И мой голос в защиту Солженицына — это прежде всего голос в защиту себя. Кто ты — тварь дрожащая или человек?» С. Доморощеников подробно освещает и сложные отношения писателя с газетой «Правда Севера», испытывавшей давление со стороны властей, а порой и грубое вмешательство в ее информационную политику, но отнюдь не игнорировавшей Абрамова. Подробно пишет о том, какие трудности «несоветский» писатель Абрамов, «очернитель» социализма, испытывал с публикацией своих произведений. Так, его первый роман, который он писал шесть лет, «Братья и сестры», в течение двух лет не принимали к публикации, отказали журналы «Октябрь» и «Новый мир», лишь в 1958 году он был опубликован в «Неве». А в 1963 году в журнале «Нева» вышла «идейно порочная» повесть Абрамова «Вокруг да около», вызвавшая постановление Ленинградского обкома КПСС об искажении колхозной жизни, и редактора журнала сняли с работы. После положительных отзывов о повести последовали разгромные статьи, Ф. Абрамова несколько лет нигде не печатали. Не раз писатель подвергался опале, замалчиванию критикой или разгрому, вносился в проскрипционные списки. Острую реакцию вызвало опубликованное в 1979 году в газете «Пинежская правда» и адресованное к землякам открытое письмо Абрамова «Чем живем — кормимся?». В нем писатель говорил о равнодушии деревенского люда к работе и среде обитания, пассивность и равнодушие назвал национальной бедой. И все-таки, указывает С. Доморощеников, не все так однозначно. Несмотря на все сложности, голос писателя был слышен, в его адрес звучала и конструктивная критика, времена менялись, и в 1975 году

писатель получил звание лауреата Государственной премии СССР. Прослеживая эволюцию писателя, С. Доморошенов показывает, как реальная жизнь, собственный опыт и впечатления писателя отражались в его произведениях, состоявшихся и замышлявшихся. Быт деревни, ее проблемы и беды Абрамов знал из практики. С. Доморошенов восстанавливает реальные судьбы и прообразов героев произведений Абрамова, и жителей Пинежья — его родных, односельчан, знакомых. Подробно пишет и о последнем, незавершенном романе Абрамова «Чистая книга», посвященном драматическим событиям в родных местах писателя во времена Гражданской войны. Детально рассмотрены публицистические работы писателя, проникнутые заботой о крестьянах. Истинный государственный, не покушавшийся на строй и систему, Абрамов выступал как защитник народа в литературе: «Любить народ — значит видеть с полной ясностью и достоинства его, и недостатки, и великое его, и малое, и взлеты его, и падения. Писать для народа — значит помочь понять ему свои силы и слабости. Важная задача искусства — просвещение. Высшая цель его — правда и человечность, так сказать, увеличение добра на Земле. И красоты». Он верил во влияние литературы на жизнь. И не без влияния писателей-деревенщиков в 1960-е годы были приняты постановление ЦК КПСС об отмене трудодня и замене его ежемесячными денежными выплатами, закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов», паспортизация сельского населения СССР. Отреагировали и жители родной Верколы: в порядок были приведены дороги, дома и поля, сегодня Веркола, где похоронен писатель, — важный культурный центр Архангельской области. Абрамов работал во времена, когда спорили о литературе, о стоящих перед ней задачах, о положительных героях. Ф. Абрамов выступал против приглаживания действительности и теории бесконфликтности. «Плохая книга отличается от хорошей тем, что хорошая книга — эта та, где ставятся вопросы времени. И эти вопросы решены художественно». Его жизнь была постоянной борьбой за правду. Эта книга фактически является и хроникой литературной жизни бурных, тревожных времен: система взаимоотношений партийных органов и писательской организации, журналы, цензура, издательства и, конечно, люди, близкие и враждебные герою этой книги. Картина получилась масштабная. А «великим счастливецем» называл себя сам Федор Абрамов, счастливецем, потому что не погиб в Великую Отечественную войну и познал читательскую любовь.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)